

Евгений Фирсов

**Т. Г. Масарик в России и борьба за
независимость чехов и словаков**

«Индрик»

2012

Фирсов Е. Ф.

Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков
/ Е. Ф. Фирсов — «Индрик», 2012

Монография Е.Ф. Фирсова, чья научная и педагогическая деятельность неразрывно связана с МГУ им. М.В. Ломоносова, представляет собой комплексное исследование пребывания Т.Г. Масарика в России конца XIX – первой трети XX в., восприятия ученого, а также его связей с российской интеллектуальной средой и Л.Н. Толстым. В годы Первой мировой войны стержневой стала борьба русского землячества чехов и словаков за программную линию Масарика – достижение национальной государственности, за признание его лидерства в антиавстрийском движении Сопrotивления. В монографии раскрывается значение для национального движения спецмиссий М.Р. Штефаника и Т.Г. Масарика в России. Впервые в историографии поднимается проблема восприятия Чехо-Словацкой Республики и ее президента Масарика выходцами из России, после революций осевшими в Праге. Автор выявил, привлек и проанализировал солидный пласт источников из чешских и отечественных архивов. На основе архивных источников автор устанавливает, что в издательстве «Жизнь и знание» В. Бонч-Бруевича шла работа по изданию русской версии главного труда Масарика «Россия и Европа». Книга предназначена для историков, славистов, социологов, регионоведов и всех, кто интересуется чешско-русскими и словацко-русскими научными и культурными связями, историей Первой мировой войны и судьбами переломной эпохи конца XIX – первой трети XX в.

© Фирсов Е. Ф., 2012

© Индрик, 2012

Содержание

Предисловие	7
Глава I	14
Глава II	26
II.1 Прибытие в Санкт-Петербург. Начало научных изысканий и общественных контактов	26
II.2 Интерес к славянскому движению	30
II.3 Последний визит к Л.Н. Толстому	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Е. Ф. Фирсов

Т. Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков

К 100-летию выхода в свет труда Т. Г. Масарика «Россия и Европа»

Книга написана в соответствии с планом научно-исследовательских работ кафедры истории южных и западных славян

Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Рецензенты

доктор философских наук, профессор М.А. Маслин (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

кандидат исторических наук, доцент О.В. Павленко (Российский государственный гуманитарный университет)

Предисловие

Задачи исследования и источниковая база

Данная монография – результат исследования проблемы рецепции Т.Г. Масарика в России, начатой в предыдущей книге «Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. По архивам Чехии и России». Ч. 1. «Томаш Масарик и Эрнест Радлов в научной и дружеской переписке» (М., 2005).

Ныне даже гуманитарии затрудняются внятно сказать, сколько раз на рубеже XIX–XX вв. в прежней России бывал Т.Г. Масарик. (Совсем недавно на презентации одного сборника по славистике в посольстве Словакии мне пришлось после выступления историка вносить уточнения на этот счет.) И на этот вопрос обычно отвечают, в лучшем случае, что Масарик бывал в России два раза и оба в конце XIX в.

В исследовательском плане ни чешскому ученому-социологу Масарику, ни данному хронологическому периоду совсем не повезло. Т.Г. Масарик в советское время упоминался с негативным подтекстом, ибо не на шутку велась идейная борьба с его философским наследием «гуманной демократии»¹. Период 900-х гг. оставался в тени первой русской революции, и исследование хронологического отрезка революционного спада и так называемой «думской монархии» практически было отброшено или, если и упоминалось, то с предвзятым подходом. От периода «думской монархии» с его православием и царизмом в советской историографии открещивались как могли.

В то же время это был несомненно период заметного оживления чешско-русских связей, и приезды Т.Г. Масарика тоже были их проявлением. Однако эта проблематика затрагивалась лишь применительно к литературным контактам, и прежде всего в отношении первого визита Масарика (конца XIX в.) к Л.Н. Толстому. Следует отметить в этой связи труд петербургской исследовательницы и литературоведа И. Порочкиной, а в чешской историографии книгу основательного масариковеда Я. Опата².

Однако последующие приезды Т.Г. Масарика в Россию никак не затрагивались. Казалось бы, в нынешние времена ситуация должна бы измениться, но этого не произошло. В литературе долгое время не было даже упоминаний об отдельных визитах Масарика. Недавно в Праге на чешском языке появилась книга известного исследователя из Карлова университета В. Дубека³. Однако эти сюжеты также не затронуты в работе.

Таким образом, казалось бы, наиболее значимое пребывание Масарика в России в 1910 г. осталось совсем не освещенным в историографии. Поэтому перед автором данной монографии стояла задача восполнить существующие пробелы и осветить обстоятельства всех четырех визитов Масарика в Россию. Этому способствовало значительное расширение источниковой базы, прежде всего была открыта долголетняя переписка Масарика с философом Э.Л. Радловым. Она была обнаружена в Санкт-Петербурге и Праге, переведена мной с немецкого языка и содержится в приложении к первой части монографии⁴. Были выявлены опубликован-

¹ См. части его работы «Идеалы гуманизма» на русском языке в публикации: Т.Г. Масарик. Философия – социология – политика. Избранные тексты. / Пер. с чеш. Отв. ред. Н.П. Нарбут, Е.Ф. Фирсов. М., 2003. О развитии парламентской демократии при Масарике в ЧСР см. монографии: Фирсов Е.Ф. Эволюция парламентской системы в Чехословакии в 1920-е гг. М., 1989; *он же*. Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм (1928–1934). М., 1997; *он же*. Российская историография о развитии межвоенной Чехословацкой республики (1918–1938) // *Osudy demokracií ve střední Evropě. Československo 1918–1938*. Pr., 1999. S. 59–72.

² Порочкина И.М. Л.Н. Толстой и славянские народы: Литературно-эстетические и социально-философские взаимосвязи второй половины XIX – начала XX в. Л., 1983; *Opát J. Filozof a politik T.G. Masaryk. 1882–1893*. Pr., 1990.

³ *Doubek V Česká politika a Rusko (1848–1914)*. Pr., 2004.

⁴ Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. По архивам Чехии и России. Ч. 1. М., 2005.

ные на чешском языке мемуары известного российского слависта Д. Вергуна, жившего в эмиграции в ЧСР при Масарике, и другие источники на русском и чешском языках. Особенно ценный в информативном плане материал содержат дневниковые заметки чешского писателя, поэта и переводчика Ф. Таборского, находившегося в России в 1910 г. на научной стажировке. Заметки написаны от руки на чешском языке совсем мелким почерком. Они хранятся в Литературном архиве Памятника национальной письменности в Праге. До этого документ использовался лишь фрагментарно (в связи с проблематикой неославизма), видимо из-за палеографических трудностей. Многие сюжеты и русские имена даже не были толком расшифрованы. Значительная часть путевых заметок касается пребывания Т.Г. Масарика в Санкт-Петербурге и конфиденциальных бесед с ним Таборского.

В монографии поставлена проблема восприятия фигуры Т.Г. Масарика и его творческого наследия в России. Эта проблема не разрабатывалась, в то время как она заслуживает систематического подхода с привлечением неизвестного ранее круга источников, и прежде всего архивных фондов как в России, так и в Чехии. Отчасти этот вопрос уже поднимался на международных и российских научных конференциях⁵, в том числе и мною⁶.

Если в первой части данного труда исследование проблемы восприятия Масарика в научной среде России рассмотрено на примере длительных дружеских и научных контактов и переписки двух философов Масарика и Радлова, как олицетворения чешско-русских контактов, то в данной части монографии осуществлен расширенный подход к исследованию учитывающий заметное нарастание чешско-русских связей в 1890-е – 1900-е гг.

В правильности выбора темы и траектории исследования данного труда нас убеждает то обстоятельство, что после выхода 1-й его части в Праге был задуман наконец исследовательский проект по изданию всей переписки Т.Г. Масарика с представителями славянских земель, включая Россию.

Стоит отметить, что в историографии все исследования велись в основном лишь в русле *неославизма*⁷ (причем в значении польского уничижительного термина), в то время как неославянское движение следовало бы рассматривать как славянское сближение.

Перед автором стояла весьма трудоемкая задача продолжить обследование российских и чешских рукописных фондов и архивов с целью выявления исторических источников и изыскания новых материалов о связях Т.Г. Масарика с Россией и восприятии здесь его фигуры и научного творчества. Настало время для преодоления односторонней трактовки периода «думской монархии» как сугубо застойного, причем и в отношении чешско-русских связей после событий 1905 г.

На фоне развития этих связей стержневыми для данного хронологического периода стали приезд в Россию Масарика в 1910 г. и борьба за издание здесь его труда «Россия и

⁵ См.: *Firsov E.* K recepci osobnosti a díla T.G. Masaryka v Rusku a k formování jeho geopolitických představ // TGM, Rusko a Evropa. Dílo, vize, přítomnost. Pr., 2002. S. 195–206; *он же.* Российская историография о развитии межвоенной Чехословацкой республики (1918–1938) // Československo 1918–1938. Osudy demokracie ve střední Evropě. Pr., 1999. S. 59–72; *он же.* Myslitel a doba: T.G. Masaryk a E. Radlov v přátelské korespondenci z let 1884–1926 // T.G. Masaryk, idea demokracie a současné evropanství. I Dil. Pr., 2001. S. 123–139; *он же.* T.G. Masaryk, la Russie et l'Europe // T.G. Masaryk – un intellectuel européen en politique (1850–1937). Paris, 2007. Отрадно отметить, что тем временем в России появилось первое издание избранных трудов Т.Г. Масарика: Т.Г. Масарик. Философия – социология – политика. Избранные тексты. / Пер. с чеш. Отв. ред. Н.П. Нарбут, Е.Ф. Фирсов. М., 2003; и наконец, в 2003–2004 гг. осуществлено полное издание (II–III тт. СПб. Отв. ред. М.А. Абрамов) в переводе на русский язык главного труда Т.Г. Масарика «Россия и Европа». Важно, что в приложении к III тому опубликована на русском языке содержательная статья чешского историка об истории его создания (*Доубек В.* «Россия и Европа». История книги // Т.Г. Масарик. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России. Т. 3. С. 455–468).

⁶ *Фирсов Е.Ф.* Формирование геополитических установок Масарика в России // Т. Г. Масарик и Россия. СПб., 1997. С. 56–62; *он же.* Т.Г. Масарик. Выступление на круглом столе к 60-летию со дня смерти первого президента Чехословакии // Февраль 1948. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998. С. 154–155 и др.

⁷ Из работ последнего времени см. в этом ключе, например: *Сератионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. М., 2006. В книге автор стремилась преодолеть давнишние установки по неославизму, сформулированные З.Н. Ненашевой в работе «Идейно-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в.» (М., 1984).

Европа». В связи с этим перед нами вставала задача продолжить тщательное обследование архивных фондов, чтобы развеять подобный негативно-мифологизирующий подход. Предстояло также выяснить, как же все-таки обстояло дело с изданием «России и Европы» в России и с переводом главного труда Масарика на русский язык. До сих пор этот вопрос оставался лишь на уровне догадок и предположений. Обычно констатировалось, что работа с переводом труда велась, но никаких веских доказательств в подкрепление этой версии в историографии так и не было выдвинуто⁸.

Сделано ценное открытие: перевод труда осуществлялся с помощью В. Бонч-Бруевича. Был подготовлен план-проспект «России и Европы». То есть дело с изданием «России и Европы» продвигалось. Это первое свидетельство подобного рода!

Нашим выводом стало утверждение, что Т.Г. Масарик, несмотря на то что главный труд всей его жизни в тогдашней России так и не вышел, получил известность и стал популярной фигурой в российской ученой среде еще в то время. Однако поныне (особенно в чешской историографии) присутствует необоснованный тезис о том, что Т.Г. Масарик был совсем неизвестен в прежней России⁹, и его имя как ученого так и не укоренилось в дореволюционном российском общественном сознании.

Стержневой в монографии стала также тема борьбы в чешской и словацкой диаспоре за программную линию Т.Г. Масарика – то есть за национальное самоопределение чехов и словаков и создание независимого государства.

Если во времена царизма путь Масарику в Россию (после выхода «России и Европы» в Германии) был заказан (это стало достоверно подтвержденным фактом), то после Февраля Масарик поспешил перенести место пребывания в эмиграции из Лондона в Санкт-Петербург.

В Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (далее – ОПИ ГИМ), как это ни покажется странным, в фонде «Документы периода подготовки и проведения Октябрьской революции» под номером 454 мной были открыты важные источники по проблематике чешско-словацкого национального движения в России.

Данная тема в советских условиях долгое время оставалась под запретом, поскольку рукописные журналы чешских добровольцев хранились в «Деле Мамонтова». Многие полагали, что Мамонтов – это не кто иной, как белый генерал К.К. Мамонтов, что в те времена отпугивало людей. Никому и в голову не приходило, что речь в данном случае шла о полковнике русской армии, а затем чешско-словацких легионеров Николае Петровиче Мамонтове. И, как правило, при его упоминании в именных указателях разных изданий практически до 2000-х гг. отсылка давалась на генерала с инициалами К.К. В хронологическом плане самый недавний просчет подобного рода относится к одной из статей петербургских авторов.

Важной частью источников стали обнаруженные автором в ОПИ ГИМ неизвестные ранее исследователям оригинальные материалы, составляющие личное наследие Ярослава Папоушека (1890–1945), видного чешского историка, участника движения чехов и словаков в России в годы Первой мировой войны. Он был призван на войну, когда был студентом Австрийского исторического института. Осенью 1914 г. сдался в плен на галицийском фронте и находился затем в сибирских лагерях для военнопленных в Таре и Тюмени Тобольской губернии. Летом 1916 г. Я. Папоушек вступил добровольцем в чехо-словацкий полк российской армии и сразу был переведен в так называемый корпус сотрудников при правлении Союза чешско-словацких обществ в России. В 1917–1918 гг. он был личным секретарем Т.Г. Масарика в России с постоянным пребыванием в Петрограде, а также секретарем филиала Чехо-словацкого национального совета в Москве вплоть до вооруженного конфликта чехо-словацких легионеров с большевиками. Летом 1918 г. Я. Папоушек был арестован и до декабря 1918 г. находился в

⁸ *Doubek V Česká politika a Rusko (1848–1914)*. Pr., 2004. S. 3.

⁹ *Opat J. Potíže s Masarykem // T.G. Masaryk, idea demokracie a současné evropanství. 1 Díl*. Pr., 2001. S. 55–76.

Бутырской тюрьме. Его письма из Бутырок также сохранились¹⁰. Обнаруженные материалы были изъяты, видимо, в связи с арестом Папоушека и после его отъезда в самом конце 1918 г. в Прагу (как и материалы его спутницы, ставшей его женой, – русской славистки Н.Ф. Мельниковой-Кедровой-Ривнач) остались в России. В 1990-е гг. они стали доступны исследователям, и автору довелось оказать научную помощь в их идентификации, переводе и архивной обработке¹¹.

Изученные материалы, охватывающие период Первой мировой войны (включая личные дневниковые записи Папоушека), позволяют по-новому (как бы «изнутри») взглянуть на ключевые проблемы борьбы чехов и словаков в России за общее дело создания независимого чехо-словацкого государства. Это касается положения военнопленных, расстановки общественно-политических сил внутри колонии «русских» чехов и словаков, отношения к национальному движению этих народов как русской общественности, так и официальных кругов.

Материалы фонда проливают свет на многие аспекты развития национального движения чехов и словаков в России и их борьбы за программную линию Т.Г. Масарика на разрыв с австрийским прошлым, за создание независимого государства, за окончательное национальное самоопределение.

С приближением памятной даты начала мировой войны 1914 г. архивные материалы личного секретаря Т.Г. Масарика, военнопленного историка Я. Папоушека становятся все более значимыми. В отношении самой влиятельной зарубежной чешской и словацкой диаспоры на российских просторах и ее борьбы за программную линию Масарика заграничного движения Сопrotивления на достижение государственной самостоятельности этот объемный и ранее недоступный источниковый блок по многим параметрам может конкурировать с пражскими фондами (а в чем-то и превосходит) по т. н. I-му движению Сопrotивления Военно-исторического архива. Фонд Я. Папоушека существенно обогащает наши представления о чешско-словацких геополитических аспектах в годы вплоть до создания независимого государства 28 октября 1918 г. с Т.Г. Масариком во главе.

В предлагаемом исследовании именно борьбе за влияние Масарика в землячестве чехов и словаков в разгар войны в 1915–1917 гг., когда лично для Масарика, Россия была недоступной страной, уделено значительное место. Без перипетий политической жизни «русской» диаспоры будет непонятен решающий этап борьбы за достижение чехо-словацкой государственности в годы пребывания Масарика в России уже после Февраля, в 1917–1918 гг.

В заключительной (V-й) части мной развита ранее не поднимавшаяся историками исследовательская тема восприятия независимой Республики и фигуры бывшего ученого, а теперь президента Чехословакии русскими «пражанами» (в большинстве своем – бывшими эсерами или близкими им по духу) в кардинально изменившихся условиях. Они знали Т.Г. Масарика как эмигранта в России в годы войны, да и накануне ее, а теперь выходцам из русской научной элиты пришлось искать эмигрантский приют «под крылом» у президента Масарика.

В этом направлении предстоит еще немало сделать, поскольку до сих пор не были выявлены важнейшие исторические источники, а довольствоваться беглыми характеристиками и высказываниями тех русских эмигрантов, которые в прямом смысле слова сидели на чемоданах и ждали или своего желаемого возвращения в Россию, или окончательного следования в эмиграцию на Запад, никак нельзя. И стоит сказать, что выявление и поиск добротных и вдумчивых воспоминаний о Республике и Масарике потребовали немало усилий. Лишь в настоящее

¹⁰ См. об этом: *Firsov E. Český historik Jaroslav Papoušek v Rusku a jeho neznámé dopisy z Butyrek N.F. Melnikové-Kedrové-Rivnáčové // Bezděz. Vlastivědný sborník Českolipska. – Česká Lipa, 1998. – N 7. – S. 57–78; Фирсов Е.Ф. Счастливый конец бутырской love story чеха Ярослава Папоушека // Меценат и мир. № 21–24. 2003.*

¹¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 151. (Н.Ф. Мельникова-Кедрова-Ривнач).

время научные круги приступают к изучению данной исследовательской проблематики, чему предполагается посвятить даже особые международные научные симпозиумы (например, в городке «масариковедов» на его родине в Годонине в Моравии на тему «Масарик и первая республика. Рефлексия и интерпретация») ¹². Наконец, Институтом Т.Г. Масарика в Праге запланирована международная конференция по проблематике «Масарик и славянские народы».

Работа над монографией из-за трудоемкости архивных изысканий в России и Чехии заняла свыше десятилетия и по мере возможности осмысление проблематики продолжается.

Перейдем к изложению источниковой базы монографии. Из российских архивов наряду с центральными, давно ставшими востребованными архивами, такими как Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), Центральный государственный военно-исторический архив (далее – ЦГВИА), стоит выделить наиболее активно использованные в труде материалы Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ) – фонд 579 П.Н. Милюков, фонд 5907 В.В. Водозовов, фонд 147, 200 и ряд других. До сих пор недостаточно исследованным является богатейший фонд Российского государственного военного архива (далее – РГВА), из которого проработан фонд 1198 – материалы по образованию Чехо-словацкого государства, включая документы о Масарике и Штефанике. Из фондов Центрального исторического архива Москвы (далее – ЦИАМ) были привлечены материалы о деятельности славянских обществ и прежде всего об Обществе Яна Гуса в Москве – фонд 1372. Были введены также в научный оборот архивные материалы ИРЛИ – Пушкинский Дом (письма Масарика из фонда 252). В архиве ОПИ ГИМ проанализирован богатейший фонд дореволюционного деятеля славянского движения, главы Русского родословного общества Л.М. Савелова. В Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ) были выявлены и впервые введены в научный оборот фонды Н.С. Русанова (ф. 218, 678), где вместе с редкими рукописными воспоминаниями мной были обнаружены редчайшие фотографии зрелого Масарика 1930-х гг., найденные в НИОР РГБ архивохранилища рукописных книг, архивных фондов и коллекций. В этом же архиве в фонде В.Д. Бонч-Бруевича (ф. 369) сенсационный документ, ставший неожиданным открытием, а именно – *план-проспект труда Т.Г. Масарика «Россия и Европа» (Россия и Европа. Проблемы философии русской истории и религии)*, свидетельствующий о том, что в России была начата работа по изданию русского перевода этого солидного труда. Отклики о Масарике были обнаружены в фонде А.П. Чехова, а также в фонде Н.И. Кареева (ф. 119).

Из пражских архивов был подробно обследован архив Института Т.Г. Масарика (Archiv Ústavu T.G. Masaryka – Praha), особенно фонд TGM. Korespondence. В центральном архиве Чешской Академии наук, который теперь является составной частью Института Т.Г. Масарика, использованы материалы из фонда известного чешского историка Ярослава Голла и фондов других чешских историков, особенно периода накануне Первой мировой войны, самой войны и последовавшего межвоенного периода. Из Литературного архива Памятника национальной письменности (Literární archiv Památníku národního písemnictví v Praze) привлечены материалы фонда Н.Ф. Мельниковой-Папоушковой, особенно корреспонденция. Ценнейшими для исследования затронутой в монографии проблематики явились «Путевые заметки» (Poznámky z cesty do Ruska) известного чешского поэта и переводчика Ф. Таборского. Из архива Национального музея в Праге (Archiv Národního Muzea – Praha) привлечены материалы С. Вилинского и других деятелей из фонда «К. Крамарж», а также материалы фонда А. Рашина. Кроме того, был использован ряд материалов Центрального государственного архива в Праге (Státní

¹² Из работ автора монографии см. об этом, например: *Фирсов Е.Ф.* Российская историография о развитии межвоенной Чехословацкой республики (1918–1938) // *Osudy demokracie ve střední Evropě. Československo 1918–1938.* Pr., 1999. S. 59–72; *Firsov E.* К рецепci osobnosti a díla T.G. Masaryka v Rusku a k formování jeho geopolitických představ // *TGM, Rusko a Evropa. Dílo, vize, přítomnost.* Pr., 2002. S. 195–206; *Фирсов Е.Ф.* Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм (1928–1934). М., 1997.

Ustřední archiv – Praha). Изучены также материалы моравского архива в Опаве (Archív Opava, pobočka Olomouc, ČR, f. V.S. Vilinský). В Государственном районном архиве г. Ческа Липа в Чехии (Státní okresní archiv (Česká Lipa)) выявлены и использованы в работе материалы фонда Н. Мельниковой (f. N. Melniková).

Из опубликованных источников была использована научная славистическая литература рубежа XIX–XX вв. (Славянское обозрение. СПб., 1894, Гоголевские дни в Москве. М., 1910 и др.), мемуарная литература как на чешском (Вергун Д., мемуары чешских и словацких легионеров, В. Вилинский), так и на русском языке (А.Н. Сиротинин, П. Сорокин, Н.С. Русанов, Д.П. Маковицкий «Яснополянские записки» и др.). Была привлечена также опубликованная корреспонденция на чешском языке: Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání v roce 1919. Ed. Zd. Šolle. (I–II). Pr., 1993–1994; T.G. Masaryk – Edvard Beneš. 1914–1918. Korespondence. Ed. D. Hájková, I. Šedivý. Pr., 2004; T.G. Masaryk – K. Kramář. Korespondence. Pr., 2005; переведенная с немецкого языка корреспонденция Масарика и Радлова¹³; сборник документов T.G. Masaryk. Válka a revoluce. Články – memoranda – přednášky – rozhovory. 1914–1916. Pr., 2005; сборник документов «Т.Г. Масарик. Философия – социология – политика. Избранные тексты»¹⁴; пресса конца XIX – начала XX в. и др.

Отметим также редкое издание о Т.Г. Масарике к его 80-летию – небольшую статью русского эмигранта Григория Медвецкого, жившего в Словакии в г. Кошице. Чтобы получить текст заметки пришлось вести долгие поиски, но они не увенчались успехом. И лишь благодаря помощи сотрудницы Словацкой национальной библиотеки Д. Яновской удалось получить текст весной 2011 г. Публикация была обнаружена в Центральной библиотеке Карлова университета в Праге, и по запросу Словацкой национальной библиотеки была сделана ее электронная копия. На работу первоначально возлагались большие надежды, но оказалось, что это – 14 страниц небольшого формата со значительным количеством неточностей и ошибок. Отчасти заметка носит мемуарный характер, но интересна она скорее как историографический документ эпохи – «Ф.О.¹⁵ Масарик и его культурные связи с русскими учеными и писателями (К 80-летнему юбилею президента Чехо-словацкой республики Т.Г. Масарика). Košice, 1914». В конце этого очерка имеется автограф д-ра Григория Медвецкого.

Как видим, уникальных архивных материалов, касающихся Т.Г. Масарика, в России выявлено немало. В монографию включено важное приложение – обнаруженный документ – текст плана-проспекта труда Т.Г. Масарика «Россия и Европа» из издательства В. Бонч-Бруевича, доказывающий продвижение в России перевода издания видного чешского социолога как летописца уходящей эпохи.

Методологические ориентиры для основательной разработки данной научной темы были сформулированы, как это не прозвучит неожиданно, в межвоенный период еще при жизни Т.Г. Масарика. В 1934 г. в ЧСР широко отмечалась 20-я годовщина начала патриотической акции чехов и словаков в России в поддержку антиавстрийского движения сопротивления. (Среди участников этого торжества были, например, такие известные деятели того времени, как ректор Карлова университета Йозеф Драховски, посол Зденек Фирлингер, председатель Национального чешско-словацкого совета Богумил Немец и др.) Для нас особый интерес представляет выступление талантливого чешского историка доктора Йозефа Куделы. В 1916–1917 гг. он как раз находился, будучи военнопленным, при Правлении Союза чехословацких обществ в России, а после своего возвращения на родину стал своего рода летописцем легионерской эпопеи, а также автором истории пребывания Т.Г. Масарика в России.

¹³ См.: Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. По архивам Чехии и России. Ч. 1. М., 2005.

¹⁴ Т.Г. Масарик. Философия – социология – политика. Избранные тексты. / Пер. с чеш. Отв. ред. Н.П. Нарбут, Е.Ф. Фирсов. М., 2003.

¹⁵ Фома Осипович – так именовал себя в России Т.Г. Масарик.

Й. Кудела считал, что в противовес недооценке вклада российских чехов и словаков в борьбу за независимость необходимо создать правдивую картину их деятельности в те времена, ограничиваясь при этом общими словами. В своем выступлении на юбилейных торжествах в Праге в 1934 г. он отметил, что в настоящее время эта задача является весьма актуальной и что всем необходимо было бы знать намного больше о жизни и деятельности чешских колоний в России, не только с точки зрения чешского движения сопротивления, но и с точки зрения значения чехов в экономике России. «В результате своей удивительной энергии и способностей чешские первопроходцы не только внесли весомый вклад в дело подъема России, но в определенной мере готовили наше сопротивление»¹⁶. Й. Кудела считал необходимым показать, какую роль сыграли российские чехи и словаки в дальнейшем развитии борьбы за обретение свободы и национального единства в рамках нового Чехо-словацкого государства. Богумил Немец во время этих же торжеств в 1934 г. подчеркивал в своем докладе о чехах в России в годы Первой мировой войны, что стоит отметить неоспоримый факт: именно русские чехи и словаки *первыми провозгласили конечной целью* национального движения в то время достижение чехско-словацкой независимости. В то же время он отметил, что *это движение в России носило демократический характер*¹⁷.

В завершение отметим, что если в свое время в источниках чаще встречалось слитное написание слова чехо-словацкий, то в данной работе используется написание через дефис, как принято ныне в историографии. Слитное написание сохранено в названиях (например, Чехо-словацкая Республика) и в цитируемых документах того периода.

¹⁶ РГВА. Ф. 1198. Оп. 1. Д. 630/4489; Čši a Slovaci v Rusku v boji za statni samostatnost (1914–1917). Pr., 1934. S. 21–2.

¹⁷ Čši a Slovaci v Rusku v boji za statni samostatnost (1914–1917). Pr., 1934. S. 6.

Глава I

Первый приезд в Россию и восприятие Т.Г. Масарика в научных кругах в 1890-е – 1900-е гг

Первые поездки Томаша Масарика в Россию пришлось на 1887 и 1888 гг. Как ни удивительно, но до сих пор нет точной датировки пребывания здесь чешского профессора. Лишь письма его на родину своим коллегам позволяли ранее установить, что его первый визит 1887 года пришелся на весну, а точнее на апрель. И видимо, это было даже не начало, как считают некоторые чешские исследователи¹⁸, а середина или даже двадцатые числа апреля. Тогда состоялось его личное знакомство с Л.Н. Толстым в Ясной Поляне.

Масарик пробыл там с 28 по 30 апреля, до этого посетив Толстого в Москве¹⁹. Лишь обнаруженные письма на немецком языке Масарика к Э.Л. Радлову помогли уточнить сроки пребывания чешского профессора в России. Он писал Радлову в письме от 11 марта 1887 г.:

«Дорогой друг, я прибываю в Петербург 1 апреля.

Я Вас прошу:

Найти мне жилье – 1 комнату вблизи Вашей библиотеки. Я пробуду там 1 месяц (после Петербурга я еду примерно на одну неделю в Москву, затем в Киев, а оттуда домой).

Найдите мне какого-нибудь студента, который бы со мной ежедневно занимался русским языком.

Насколько возможно мне также потребуется хитон, в котором я буду кататься на лыжах.

По пути я остановлюсь в Варшаве. Отсюда я выеду примерно 25 марта. Ваш Масарик».

Благодаря литературоведческим работам и прежде всего солидному труду (сохранившему свое значение до сего времени) петербургского автора И.М. Порочкиной²⁰ сложилось мнение, что главной целью поездки Масарика был визит к Л.Н. Толстому в Ясную Поляну. Известно, что Масарик произвел на Толстого благоприятное впечатление и писатель благодарил потом устроившего встречу А.Н. Страхова. Но главной причиной приезда Масарика в Россию все же стоит считать не поездку в Ясную Поляну к Л.Н. Толстому (повторившуюся и в 1888 г.), а стремление чешского профессора информировать из первых рук о сути дела и заручиться поддержкой ведущих российских славистов в связи с разгоревшейся в чешской ученой среде борьбой вокруг подлинности знаменитых Краледворской и Зеленогорской рукописей (подобно «Слову о полку Игореве» в России), оказавшихся фальсификатами²¹. Фальсификация была доказана в журнале Масарика «Atheneum» стараниями известного чешского филолога Яна Гебауэра и круга его единомышленников.

В своих письмах Гебауэру, которые ввел в научный оборот чешский исследователь Я. Опат, Масарик констатировал, что российские научные круги были великолепно осведомлены

¹⁸ *Opat J. Filozof a politik T.G. Masaryk. 1882–1893. Pr., 1990. S. 196.*

¹⁹ *Порочкина И.М. Л.Н. Толстой и славянские народы: Литературно-эстетические и социально-философские взаимосвязи второй половины XIX – начала XX в. Л., 1983. С. 31. Эти же даты приводит в своем труде также Я. Опат (Opat J. Filozof a politik T.G. Masaryk. 1882–1893. Pr., 1990. S. 197).*

²⁰ *Порочкина И.М. Л.Н. Толстой и славянские народы: Литературно-эстетические и социально-философские взаимосвязи второй половины XIX – начала XX в. Л., 1983.*

²¹ Из современных работ о борьбе за рукописи см.: *Липтева Л.П. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала XX в. // Studia slavica hungarica. 21. Будапешт, 1975. С. 68–94; она же. Краледворская и Зеленогорская рукописи // Рукописи, которых не было. Подделки славянского фольклора. М., 2002. См. также об этом письма Т.Г. Масарика Эрнесту Радлову в Петербург, опубликованные в Приложении к Части 1 труда Е.Ф. Фирсова «Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда (по архивам Чехии и России)». М., 2005.*

об обстановке в Чешских землях²². Особенно плодотворной была встреча Т.Г. Масарика с известным славистом В.И. Ламанским (1833–1914) и академиком А.Н. Пыпиным (1833–1904).

Перед тем как впервые отправиться в Россию, Масарику пришлось выдержать своего рода бой со своими недоброжелателями из чешских университетских кругов. Те направили в Министерство образования в Вену на него донос, в котором выставили Масарика «русофобом и панславистом»²³. И ему стоило больших трудов развеять инсинуации и добиться получения визы на поездку.

После дела с происками пражских недругов в Вене лучшей «визитной карточки» Масарику в России и не требовалось. Может быть, этот случай заставил Масарика впоследствии более критично подходить к характеристике и анализу внутренней обстановки и атмосферы царской России.

Другой своего рода рекомендацией Т.Г. Масарику стала рецензия Э.Л. Радлова на труд Масарика «О конкретной логике» в Журнале Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП)²⁴. Из анализируемой переписки двух ученых следует, что Радлов подробным образом ознакомился с вышедшим несколько ранее (в 1885 г.) чешским изданием «О конкретной логике» и изложил свои развернутые соображения в письме Т.Г. Масарику еще в ноябре 1886 г., т. е. за год до публикации рецензии в ЖМНП. Радлов писал, что книга Масарика доставила ему большое удовольствие и сообщал, что приложит усилия по переводу труда на русский и его изданию в надежде, что в этом ему повезет на сей раз больше, чем когда-то с работой о самоубийстве²⁵. Он также сообщал, что готовится опубликовать небольшую рецензию на «Конкретную логику» в ЖМНП. Сравнивая развернутые замечания к работе, изложенные Радловым в этом письме, с текстом рецензии, вышедшей годом позже в ЖМНП, приходишь к выводу, что по своей натуре Радлов был весьма деликатным и дипломатичным критиком. Его основные критические замечания, высказанные в письме, не попали в журнальную рецензию. В ней он лишь отметил, что «если бы цель нашей заметки состояла в критике сочинения, то на этом пункте мы остановились бы подробнее, но мы желаем лишь, чтобы книга не прошла незамеченной, и очень порадовались бы, если бы появился русский перевод этого труда»²⁶.

Чешский ученый Я. Опат справедливо отметил, что в Ясную Поляну Масарика «привело то, что он находил в Толстом стремление к истинной нецерковной религии, в чем увидел его значение для России и остального мира». Особенно тонко подметили связь Масарика с Толстым на этой почве его словацкие последователи, а точнее В. Шробар. Он писал на рубеже XIX–XX вв.: «Масарик будил охоту к труду и жизни в каждом, кто имел случай познакомиться с ним или с его сочинениями. Масарик побуждал к духовному труду, воскрешал души. И здесь он сошелся с Толстым. Толстой учил любить Бога и ближнего, Масарик научил нас чтить духовные основы человека: душу и разум. Толстой звал к любви во имя закона вечного, трансцендентального, Масарик во имя человечности, во имя здравого рассудка, но оба вели к одному – к нравственному возрождению человека, Толстой дорогой чувства, Масарик путем разума. Славянство редко когда переживало такое счастливое время: два величайших его мыслителя в полном согласии друг с другом прокладывали нам дорогу к чистейшему идеалу человечества – к гуманности»²⁷.

Масарик был восхищен пребыванием в России, был в восторге от ее просторов²⁸. Он писал о своих впечатлениях от российской столицы в письме Гебауеру: «Петроград прекрасен.

²² *Opat J. Filozof a politik T.G. Masaryk. 1882–1893. Pr., 1990. S. 198.*

²³ *Opat J. Filozof a politik T.G. Masaryk. 1882–1893. Pr., 1990. S. 196.*

²⁴ ЖМНП. 1887. № 6.

²⁵ Archiv ÚTGM, MA, KOR I-12. Dopis E. Radlova Masarykovi. 16/28.XI.1886.

²⁶ ЖМНП. 1887. № 6. С. 416.

²⁷ Цит. по: *Сиротинин А.Н. Россия и славяне. СПб., 1913. С. 288–289.*

²⁸ *Opat J. Filozof a politik T.G. Masaryk. 1882–1893. Pr., 1990. S. 197*

Эти огромные широкие улицы, эти великолепные огромные площади и удивительно огромные здания, и эта широкая Нева – я часто брожу часами и часами и дивлюсь, дивлюсь... Это удивительное мне чувство – **жить в славянском независимом и бесконечно огромном государстве! Но однако об этом расскажу потом** (выделено Масариком. – Е.Ф.)»²⁹

В 1890 г. Т.Г. Масарику исполнилось 40 лет. Ему не удалось в юбилейном году побывать еще раз в России, хотя он и намеревался осуществить поездку. В 1890 г. в Россию собрался его коллега, чешский политик К. Крамарж и обратился к Масарику за рекомендациями.

В письме Крамаржу от 10 марта 1890 г. Масарик писал: «Дорогой друг, вот несколько рекомендаций. В Варшаве в русскую общину Вас введет Первольф, в польскую – д-р Карловиц (этнограф, грамматик) (обоим прилагаются записки). Я жил в отеле «Краковский», хороший. В Петрограде Вас, наверное, введет г. Стрейчик, если он там. В Варшаве это письмо пошлите ему почтой. Г-н Стрейчик военный беженец и знаком с Дртиной (не знаю, напрямую ли). Он стал православным – я надеюсь, что из убеждения, – и он Вам в Петрограде может помочь.

В Петроград я даю также рекомендацию доктору Радлову, служащему Императорской публичной библиотеки. Он поможет Вам, если нужна будет библиотека. Что касается других, прилагаю письмецо Пыпину, известному автору «Истории славянских литератур». Он либерал, западник. Он введет Вас и расскажет о своем круге, в то время как через Ламанского (Стрейчика) Вы попадете в православно-русско-славянофильские круги. Но к ним Вы можете выйти от Петрова (к Ламанскому).

Адреса:

К. Бржеский С[анкт]П[етербург] Гороховая 13 кв[артира]31.

Он с Кайзлом состоит в литературном контакте. Он, видимо, поляк.

Никольский

Доцент и служащий в Министерстве иностранных дел.

Судейкин Власий, Вас[ильевский] остров, 5 линия, 36.

Да этого и хватит. В Москву и другие места получите также рекомендации. Я туда напишу.

P.S. Г-ну Стрейчику, как приедете, нужно самому написать письмо. Я сообщил ему о Вашем приезде, чтобы он Вас встретил на вокзале и разместил в какой-нибудь меблированной комнате. Ваш Масарик»³⁰.

В начале 1890-х гг. в русскую публицистику просачивалась информация о политической обстановке в Чешских землях, причем благодаря чешским корреспондентам. Следует указать на статью под заголовком «Письмо из Праги» некоего Утиса, опубликованную в «Славянском обозрении» (выходило под редакцией И.С. Пальмова) в 1894 г.

Т.Г. Масарику Утис³¹ в своей статье посвятил особый раздел. Утис писал, что Масарик «прибыл в Прагу с надменной наивностью, как будто жизнь чешская была необработанной почвой, новью своего рода, дожидающейся сохи нового пахаря. Он сумел выставить себя универсальным реформатором науки, политики и народной жизни вообще. До сих пор никому не удалось проникнуть в тайну Масариковского реализма, но многие именно среди университетской молодежи, сделались преданнейшим его орудием»³².

В начале своей заметки он остановился на политических реалиях Чешских земель после выборов в австрийский рейхсрат 1891 г. и последовавшего успеха младочешской партии. Утис кратко охарактеризовал расстановку сил внутри партии, выделив крылья либералов, партии прогрессистов, панславистов (или славянских идеалистов) и реалистов во главе с Масариком. О

²⁹ Ibid.

³⁰ Korespondence T.G. Masaryk – K. Kramář. Pr., 2005. S. 149–150.

³¹ Пока нам не удалось установить какие-либо подробности об этом авторе.

³² Письмо из Праги. Ноябрь 1893 г. // Славянское обозрение. Год второй. СПб., 1894. С. 462.

реалистах он отметил, что те сомневаются «в значении прошлых и настоящих идеалов народа чешского», их склонность «к научным теориям вообще (они иногда хвастаются знанием пяти культур) не позволяет им даже воздавать должное прежним труженикам возрождения, особенно тем, в сочинениях которых взлелеяна мысль о взаимности славянской»³³. Утис подметил, что все фракции младочехов «соединились под знаменем государственного права чешского королевства (короны св. Вячеслава), предполагающего равноправность чешского языка с немецким, но все вместе чувствуют, что общий ход политических дел Австрии развивается в каком-то другом направлении»³⁴.

Автор констатировал, что «чешский народ стоит на своем посту, окруженный со всех сторон одними только врагами, а слов утешения и ободрения ниоткуда не слышит, – может быть, напрасно и дожидается!?!...»³⁵

Особый интерес представляет характеристика Утисом чешского течения реализма: «Реализм в политике чешской означает не то метод, не то идею, – название заимствовано от реализма литературного. Реализм как политическая программа был внесен Масариком еще в аудитории чешского университета. В качестве теоретического воззрения, реализм умеет блистать самыми новейшими верхушками науки. Не принципы, а способ применения реализма к практике встревожил многих искренних и при этом не бессмысленных чешских патриотов. Масарик во время многолетнего своего пребывания в Вене, откуда прибыл в университет чешский, отвык от чешского образа мыслей»³⁶.

Автор критиковал реалистов и Т.Г. Масарика за то, что они выставляют себя единственными защитниками науки, прогресса и свободы исследования, но сами нетерпимо относятся к взглядам русской науки на прошлое чешского народа, как оно, например, освещено Гильфердингом, Ламанским, Будиловичем, Пальмовым и проч. «Вообще, они (Масарик, реалисты. – Е.Ф.) – заклятые враги идеи кирилло-мефодиевской»³⁷.

«Все-таки реалисты, – подчеркивал далее автор, – употребляют все усилия к тому, чтобы заставить общественное мнение считать их лучшими друзьями славянства. У них всегда Янусово лицо; вы почти никогда не разберете или очень редко, какое их настоящее убеждение. Реалисты считаются у народа поклонниками и сподвижниками западного латино-германского мира, который давно уже поставил себе целью – полное отчуждение чехов от славянского Востока. Реалисты доказывают иногда, что так называемая программа культурного славянского единения невозможна потому, что нельзя „вернуть исторический процесс“ или – как старочехи выражаются, – что „цыпленку не воротиться в яйцо“.

Словом, независимость науки и свобода исследования у реалистов значит не что иное, как отворить дверь настежь влиянию „Европы“ и закрыть ее для воззрений славяно-русских.

Все это производит в чешской публике впечатление неискренности и даже краковский „Czas“ упрекнул реалистов в недостатке у них „политического характера“.

Но у реалистов есть и заслуги. Они содействовали развитию в молодом поколении энергии воли и духа предприимчивости; жаль только, что немалой части молодежи внушили и свое недоброжелательство к славянской идее, которая получила свое развитие у русских и других лучших деятелей славянского возрождения. Реалисты обратили также внимание молодого поколения на вопросы социальный и рабочий, но вместе с этим приучили его к свойственной им надменности и самообожанию. Одна часть университетской молодежи, которая счи-

³³ Там же. С. 158.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 459.

³⁶ Письмо из Праги. Ноябрь 1893 г. // Славянское обозрение. Год второй. СПб., 1894. С. 461.

³⁷ Там же. С. 462.

тает себя „прогрессистами“, является точным олицетворением выдающихся качеств и пороков реалистической школы», – писал чешский корреспондент из Праги³⁸.

В итоге, как подчеркивал автор письма, реализм впредь стоило бы охарактеризовать особо, так как «в Чехии он является чем-то особенным и **сделался, по-видимому, новой закваской в жизни чешского народа**» (выделено мной. – Е.Ф.)³⁹.

Из анализа публикации чешского деятеля Утиса следует, что на восприятии Масарика сказывались отголоски политической борьбы в Австрии и Чешских землях. Однако мнение официальных кругов России формировалось во многом на основе дипломатических сводок. Большая заслуга в осмыслении метода Масарика принадлежала русскому философу Эрнесту Львовичу Радлову. Масарик и Радлов нашли общий язык, быстро сблизились еще в Вене, и с тех пор можно говорить о многолетней прочной дружбе двух ученых. Так, благодаря Радлову доцент Масарик заинтересовался Достоевским. Летом 1882 г. Радлов побывал даже в гостях на родине Масарика в Моравии. На «Очерки истории русской философии» Э. Радлова (СПб., 1912) активно опирался Масарик в своей книге «Россия и Европа».

Изложенные в ней (во многом по Радлову) основные черты и национальные особенности русской философии заставили Радлова вновь вернуться во втором издании «Очерков...» (1920 г.) к переосмыслению ее характеристик. В этой работе впервые в русской историософии, и это подчеркнем особо, Радлов упоминает «Россию и Европу» Т.Г. Масарика: «Масарик в своей книге о религиозной философии в России обратил внимание на тот характерный факт, что Гегель характеризует немцев и их отношение к религии совершенно теми же чертами, какими Хомяков рисует русских и их отношение к православию»⁴⁰. Причем «Россия и Европа» Масарика в библиографии к «Очеркам...» (которая содержала всего 6 позиций) была включена под пунктом 5; в котором Радлов подчеркивал, что «на немецком языке следует отметить замечательный труд: Masaryk Th. Zur russischen Geschichtst-Religionsphilosophie. В 2 т. Јена, 1913». «Это наиболее полная характеристика русской философии из всех до настоящего времени имеющихся (выделено мной. – Е.Ф.)», – писал здесь же Э. Л. Радлов. Научные и дружеские точки соприкосновения двух ученых в свете их ранее неизвестной корреспонденции из архивов Чехии и России проанализированы мной в отдельном исследовании.

В целом можно сделать вывод, что статья Утиса была первой подобного рода публикацией об ученом и политике Масарике в России. Она вносила много нового в его характеристику и особенно в оценку концепции реализма, выдвинутой Т.Г. Масариком. Несмотря на значительный критический заряд, содержащийся в статье, публикация материала о Масарике способствовала росту его известности в России и усилению интереса к его научным трудам. Не случайно поэтому через пару лет (в 1896 г.) в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона появилась небольшая заметка о Масарике: «Масарик (Thomas Garique Masaryk) – проф. Чешского унив. в Праге и младочешский депутат, род. 1850 г., напеч.: “David Humes Skepsis etc.” (Вена, 1884); “Versuch einer Konkreten Logik” (Вена, 1886) и др.»⁴¹

Автором заметки был известный историк и политический деятель В.В. Водовозов. Завязалась переписка и личное знакомство Водовозова с Масариком, длившееся долгие годы⁴².

Но наиболее значимой для популяризации Масарика в России был перевод и публикация его известного труда «Философские и социологические основания марксизма. Этюды по социальному вопросу» в СПб в 1900 году (с переизданием в 1906 г.)⁴³.

³⁸ Письмо из Праги. Ноябрь 1893 г. // Славянское обозрение. Год второй. СПб., 1894. С. 463.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Радлов Э. Очерки истории русской философии. Изд. 2, доп. Пр., 1920. С. 89.

⁴¹ Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Том XVIII^А. (На корешке: т. 36) СПб., 1896. С. 714.

⁴² См. об этом, например: Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. По архивам Чехии и России. Ч. 1. М., 2005. С. 38–40.

⁴³ Т.Г. Масарик. Философия – социология – политика. Избранные тексты / Пер. с чеш. Отв. ред. Н.П. Нарбут, Е.Ф. Фирсов.

При всей заметной шероховатости перевода, появление «Этюдov по социальному вопросу» Масарика в России (да и в Европе) было как нельзя более своевременным. В период усиления в 1900-е гг. недовольства существующими абсолютистскими порядками труд помог сориентироваться в отношении таких насущных понятий, как марксизм, социализм, и занять собственную позицию в текущей политической борьбе. Наметившаяся еще в 80-е гг. XIX в. близость Масарика к Толстому, активизация взаимных контактов и обсуждение темы непротivления злу насилием делали Масарика популярным среди широкой российской публики. Авторитет Масарика как социолога упрочился, теснее стали его контакты, например с русским социологом Н.И. Кареевым и другими российскими учеными-гуманитариями. Как показывает анализ «россики» из фонда корреспонденции Т.Г. Масарика в Праге, особо стоит отметить письма литераторов и журналистов⁴⁴, представителей молодого поколения славянских деятелей, в том числе словенца, жившего в России, Янко Лаврина⁴⁵.

В 1890-1900-х гг. еще до революции 1905–1906 гг. Масарик располагал сложившимися научными контактами. В круг его общения из социологов, философов и гуманитариев в целом, входил не один десяток ученых Петербурга, Москвы, Киева, Варшавы, Одессы. Приведем здесь имена хотя бы наиболее известных ученых как русских, так и чехов и словаков, живших тогда в России: Э.Л. Радлов, Н.Я. Грот, И.С. Пальмов, В.И. Ламанский, Н.И. Кареев, акад. М.М. Ковалевский, С.П. Мельгунов, Н.С. Русанов, Овсяннико-Куликовский, В.В. Водовозов, Н.В. Ястребов, А.И. Яцимирский, Ян Квачала, Й. Клецанда, А.Л. Погодин, А.Н. Пыпин, П.Н. Милоков, Н.О. Лосский.

Анализ корреспонденции Т.Г. Масарика из России, хранящейся ныне в фонде TGM «Korespondence» Института Т.Г. Масарика (Прага), позволяет утверждать, что чешский профессор стал довольно популярным ученым в России, начиная с 1890-х гг., т. е. еще до выхода здесь его научных трудов. К нему обращаются с самыми различными просьбами, например выслать тот или иной его научный труд. Затем посыпались предложения написать статьи на ту или иную чешскую тематику в различные русские журналы с просьбой писать на немецком языке, так как чешский в то время в России был малодоступен и «наименее удобен».

Такие предложения Масарик получал особенно после выхода в свет его работы «Чешский вопрос» (1895). Причем Масарика заказывали статьи не только по его специальности, социологии и философии, но и на историческую тематику. Масарик терпеливо отвечал, что в России существуют свои известные слависты (он отсылал, например, к трудам Яцимирского, А.Н. Ясинского и др.). Да и в Чехии плодотворно развивалась своя историческая школа во главе с Я. Голлом.

Российские корреспонденты считали, что Масарик со своей эрудицией в состоянии дать ответ на любой вопрос.

В 900-е гг. стремление российских изданий привлечь Масарика к литературному сотрудничеству еще более возросло, и он при своей занятости не мог удовлетворить все просьбы. Можно предположить, что это по его рекомендации за очерк по чешской истории для русского читателя взялся близкий ему по духу чешский историк Вацлав Новотный (1868–1932). Именно к нему обратилось с такой просьбой петербургское издательство «Вестник знания». Однако русским издателям пришлось отказаться от сотрудничества с Новотным «так как труд почтенного ученого сильно запоздал», что вызвало необходимость обратиться к другому автору. В серии «История славян» в 900-е гг. вышло несколько изданий, например «История христианских государств Балканского полуострова», «История Польши» И. Балабана и В. Тромпчинского и позже «История Чехии». Издательство в связи с задержкой рукописи Новотного

М., 2003. С. 244–318.

⁴⁴ Частично подобные материалы введены в научный оборот в статье: *Иное И.В. Томаш Гарриг Масарик и российские литераторы и журналисты* // Т.Г. Масарик и «Русская акция». М., 2005. С. 75–87.

⁴⁵ Новое о словенском деятеле Янко Лаврине см., например: Янко Лаврин и Россия / Отв. ред. Ю.А. Созина. М., 2011.

прибегло к переводу менее основательного труда польского историка Антошки (под ред. В.В. Битнера). Отмечу, что в архивном фонде В. Новотного в Праге мной была выявлена рукопись краткого обзора истории Чехии⁴⁶, который, по всей видимости, Новотный первоначально готовил для российского издательства «Вестник знания».

Революция 1905–1906 гг. усилила научный и политический интерес Масарика к России. В письме к своему другу Э.Л. Радлову он писал в феврале 1905 г., что написал статью о России и ее нынешнем положении, «поскольку я продолжаю следить за Россией и изучать ее»⁴⁷. Из дружеского общения с Радловым Масарик был в курсе происходивших в России событий. Об отношении к ним Радлова говорит многое, хотя бы строки письма от 1.III.1905 г. о том, что «в России в настоящее время нет никого, у кого бы дела шли хорошо»⁴⁸.

Другим источником информации о событиях 1905–1906 гг. является В.В. Водовозов⁴⁹. Его переписка с Масариком периода революции, выявленная в фонде TGM «Korespondence» в Институте Т.Г. Масарика в Праге, касалась, прежде всего подготовки им развернутой статьи о Масарике для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Водовозов запрашивал у Масарика некоторые биографические данные. Затем он сообщал о том, что они благополучно дошли, что способствовало своевременной подготовке статьи. Как следует из анализа текста в Энциклопедическом словаре за 1906 г. Водовозов опирался во многом на материалы самого Масарика. Это было, на наш взгляд, проявлением либерализма, царившего в годы революции и ослабления цензуры. Приведем далее текст статьи Водовозова, поскольку в таком солидном объеме публикация о Масарике появилась в России впервые⁵⁰:

«Масарик (Томас-Гаррик Masaryk) – чешский политич. деятель и ученый (род. в 1859 г.), родом словак из Моравии; сперва работал в качестве кузнечного подмастерья, потом поступил в гимназию, оттуда в университет. Состоит профессором философии в пражском чешском унив. Первые его работы, написанные частью по-немецки, частью по-чешски, были посвящены философии, в особенности вопросам этики; сюда относится диссертация «Der Selbstmord als sociale Erscheinung der modernen Zivilisation» (Вена, 1881); «David Humes Prinzipien der Moral» (ib., 1883); «David Humes Skepsis und die Wahrscheinlichkeitsrechnung» (ib., 1884); «Versuch einer Konkreten Logik. Klassifikation und Organisation der Wissenschaften» (ib., 1886); «О Hypnotismu» (Прага, 1880); «Blase Pascal, život a filosofie» (ib., 1883); «Theorie dějin dle zasad Т.Н. Вш^а» (ib., 1884). Во всех этих произведениях М. отстаивает философский идеализм, признающий божество, и идеалистическую теорию морали. В 1885 г. М. начал в литературе поход против подлинности краледворской и зеленогорской рукописей (Суд Либуши и проч.), которые, несмотря на более ранние работы Шемберы и др., все еще являлись в глазах массы памятником чешской старины и политическим заветом. Против М. вооружились и старочехи, и младочехи, обвиняя его в посягательстве на народное достояние. Борьба, однако, окончилась победой М., и с тех пор на упомянутые памятники никто уже из серьезных деятелей ссылаться не решается. Став политическим борцом, М. занял первое место между реалистами (Кайзль, Крамарж), которых их противники называли нигилистами. С 1885 г. при деятельном участии М. основывается чешский журнал «Atheneum», в 1886 г. – газета r^as» (в Праге; не смешивать с польским клерикальным «Czas»). В 1891 г. М. был избран в рейхсрат, где примкнул к младочехам, заняв вместе с реалистами особое место в их рядах. В заседаниях австрийской делегации он произнес (в 1892 и 1893 гг.) речи о положении Боснии и Герцеговины, которые, являясь суровым обвинительным актом

⁴⁶ Archiv AVČR. F. V. Novotný. Rukopis o českých dějinách.

⁴⁷ Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. По архивам Чехии и России. Ч. 1. М., 2005. С. 62.

⁴⁸ Там же. С. 64.

⁴⁹ О Водовозове см. также: Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. По архивам Чехии и России. Ч. 1. М., 2005. С. 38–40.

⁵⁰ Энциклопедический словарь. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Дополнительный том II. СПб., 1906. С. 147–148.

против австро-венгерского управления этой провинцией, до сих могут считаться наиболее полной и ценной работой по этому предмету. В рейхсрате, в конце 1892 г., он высказался определенно против тройственного союза. 27 мая 1893 г. имп. Франц-Иосиф при приеме делегаций демонстративно выказал свое неодобрение М., как и другим младочешским делегатам. В конце 1893 г. М., ввиду разногласий с младочешской партией, сложил с себя депутатские полномочия. Кайзль и Крамарж отделились от М. и слились с младочехами. М. остался во главе группы реалистов; органами ее были газета «Cas» и редактируемый М. ежемесячный журнал «*Naše Doba*» (с 1894 г.); она пользовалась уважением в интеллигентных кругах, но не имела ни одного представителя в парламенте. В 1900 г. она организовалась в чешскую народную партию (см. «*Rámcový program České lidové [realistické]*», Прага, 1900). Партия эта идет вразрез с узконационалистическими стремлениями младочехов; требуя полной свободы национальностей, она отказывается от чешского государственного права, дорожит культурным развитием страны, является в политическом отношении радикальной, отстаивает социальные реформы и по практической программе близка к социал-демократам, не соглашаясь, однако, с их программой-максимум; она поддерживает близкие отношения с партией австрийских социал-политиков, имеющей свой орган – «*Zeit*», – в котором М. принимает деятельное участие. На выборах 1900 г. она успеха не имела. В 1899 г. М. выступил за пересмотр дела еврея Гилснера, приговоренного в Полне под влиянием антисемитич. пропаганды к смертной казни за убийство с ритуальной целью. Он написал по-чешски брошюру о процессе, в которой доказывал ложность и нелепость обвинения, построенного на суеверии. Брошюра была конфискована, но деп. Кронаветтер прочитал ее целиком в немецком переводе в рейхсрате, настаивая на неправильности конфискации, и таким образом иммунизировал ее (т. е. создал право распространять ее не как самостоятельную брошюру, а как извлечение из стенографич. отчета рейхсрата). Этим Полненскому процессу было придано значение, аналогичное с делом Дрейфуса во Франции. Приговор был кассирован, но Гилснер вторично признан виновным и приговорен к смертной казни, которую император заменил пожизн. каторгой. В 1900 г. М. написал: «*Die Bedeutung des Polnaer Verbrechens für den Ritualglauben*» (Берлин). В 1899 г. М. выпустил по-чешски и по-немецки самое значительное свое произведение: «*Философские и социологические основания марксизма*» (перев. П. Николаева, М., 1900), в котором рассматривает кризис в марксизме и подвергает марксизм критике с точки зрения своей философии (книга подвергалась суровой критике со стороны социал-демократов, между прочим Плеханова в «*Заре*» 1901 г.). Другие выдающиеся политич. работы М.: «*Palacky's Idee des Böhmisches Volkes*» (Прага, 1899), «*Česká otázka*» (ib., 1895); «*Naše nynější krise*» (ibid., 1895) и др. См. J. Herben, «*Deset let proti proudu*» (Прага, 1898); Ern. Denis, «*La Boheme depuis la Montagne Blanche*» (т. 2, П., 1903). В. В-в.»

Водовозов в переписке информировал Масарика о сроках выхода тома Энциклопедического словаря и обещал прислать вырезки со статьей о нем. В то же время он поднял наболевший вопрос о политической несвободе печати. Водовозов испытал ее на себе, будучи ответственным редактором газеты «*Наша жизнь*». Революция, по мнению Водовозова, пока имеет только разрушающее значение в экономическом отношении. Он сетовал также на признаки культурного упадка (письмо от 20 февраля 1906 г.). Переписка Водовозова и Масарика облегчалась тем, что они лично были знакомы (встретились еще до революции в Праге). Их контакты плодотворно развивались и впоследствии.

Без преувеличения можно сказать, что бальзамом на душу Масарика было создание в годы революции в Петербурге, по инициативе Н. Ястребова и его коллег, партии свободомыслящих на основе политической платформы, близкой к реформистской программе его народной партии и установкам гуманизма, сформулированным им в труде «*Идеалы гуманизма*» (1901 г.). Под впечатлением личного обаяния чешского профессора после возвращения с научной стажировки из Пражского Карлова университета доцент Петербургского университета Николай

Ястребов с единомышленниками приступили к изданию отдельных брошюр на основе важнейших разделов «Социального вопроса» Масарика. Российских энтузиастов весьма волновали такие, поднятые Масариком, проблемы, как пути развития современной демократии, соотношение конституционализма, парламентаризма и социализма и т. д. В 1906 г. появилась первая брошюра из этой серии, в которой подчеркивалось, что Масарик поднял *«много жизненных идей о парламентской жизни вообще, в условия которой готовится вступить Россия»*. Петербургские интеллектуалы весьма высоко оценивали данное Масариком разъяснение *истинного демократизма в политике*, который следовало бы осмыслить русским. В переписке с доцентом Н. Ястребовым Масарик, следивший за русскими делами, подчеркивал непропорциональность политических идеалов и подготовки к управлению. Масарик писал в Россию, что *«особенно занят русским вопросом, ибо российские события заделали его за живое»*. В письме Масарик констатировал, что *«Россия для него – большая часть жизни, что война и революция для него – ужаснейший урок, и он истерзался, думая и передумывая русские вопросы»*. И уже в то время петроградские почитатели Масарика подчеркивали его главную мысль о предпочтении *эволюции перед революцией*.

В своем предисловии (январь 1906 г.) к русскому переводу части труда «Социальный вопрос» (издано в виде брошюры) Масарик высказал свои взгляды на коренные проблемы, которые можно без преувеличения считать своего рода заветами не только русской демократии, но и современной демократии в целом. Там он подчеркнул, что без церковных и религиозных реформ в России невозможно сильное и прочное политическое развитие. Далее Масарик писал, что *«без постоянной политической и просветительской работы не только конституционализм, но даже и парламентаризм превращается в депутатский бюрократизм, которого, по его мнению, Россия должна опасаться более, чем другие страны»*. Уже в то время русские интеллектуалы круга Ястребова *«по достоинству оценили масштабы и значение фигуры Масарика, который был охарактеризован в России как крупный европейский мыслитель, как по духу близкий России человек и как крупнейший представитель научной и европейской общественной мысли»*. Петроградцам особенно импонировал общий методологический подход Масарика, который старался показать связь глубинных явлений жизни того или иного народа с жизнью других народов и выявить общие связи с развитием всего человечества.

Нет сомнения в том, что русские интеллектуалы еще более утвердились в высокой оценке Масарика, ученого и мыслителя, после выхода в свет в 1913 г. его главного труда «Россия и Европа».

Исполняя данное тогда же в переписке со своими русскими коллегами обещание посвятить русским реалиям и революции особый труд, Т.Г. Масарик и принялся за свой знаменитый (издан в 1996 г. Институтом Т.Г. Масарика) третий по счету том, посвященный теме борьбы против нигилизма.

В предисловии к русской брошюре Масарика Н. Ястребов сообщал, что Масарик теперь особенно занят «русским вопросом», пишет книгу «Этюды по русскому вопросу. Борьба Ф.М. Достоевского с нигилизмом», и в какой-то мере разъяснял генезис труда, над которым уже работал Масарик.

Так что размышления В. Доубека о том, почему Масарик начал труд «Россия и Европа» именно с третьего тома весьма интересны⁵¹, но некоторые вопросы отпали бы, если бы было учтено данное Масариком обещание. К чести ученого, несмотря на всю свою занятость, Масарик старался держать слово⁵².

⁵¹ Doubek V T.G. Masaryk a česká slovanská politika. 1882–1910. Pr., 1999. S. 108–110.

⁵² Firsov E. T.G. Masaryk et La Russie et l'Europe // T.G. Masaryk – un intellectuel européen en politique (1850–1937). Paris, 2007. S. 185–196.

Упомянутая партия свободомыслящих впоследствии распалась, но контакты Н. Ястребова с Масариком и чешской исторической наукой развивались и крепили в период думской монархии (а после революций и эмиграции Н. Ястребова в Прагу – уже в условиях Чехословацкой республики Т.Г. Масарика)⁵³.

Стоит отметить, что, занимаясь историей славянских народов, и преимущественно чехов, Н.В. Ястребов поддерживал контакты с главой чешской позитивистской школы Ярославом Голлом. Приведем далее одно из писем Н. Ястребова Голлу от 20 декабря 1909 г., в котором русский историк характеризует обстановку в стране после революции. Письмо гласит:

«Дорогой г-н профессор! В июле Вы попросили меня послать Вам данные о моей литературной деятельности в связи с задуманным Вами проектом выдвижения меня членом Ученого общества. Но кроме того, что Вы уже знаете и что уже было на страницах (Чешского исторического журнала. См. Библиографический регистр к нему) я могу указать еще на свои статьи в нашей большой энциклопедии (Словарь Ефрона) по истории славян (самая большая – История Польши), а также критические и библиографические статьи в наших журналах (Журнал Министерства народного просвещения, Известия 2-го отделения Академии наук); в настоящее время я допечатываю текст до сих пор малоизвестной рукописи [далее слово исправлено и неразборчиво. – Е.Ф.] (о богомилах). Мое официальное положение – гонорарный доцент Петроградского университета по истории славян, а также профессор Высших женских курсов. Вот и все.

Постепенно продолжаю работать над вторым томом своих “Этюд”, но работы – через край... Мне также предстоит нелегкая задача – написать чешскую историю для кареевского сборника “История Западной Европы по странам и эпохам”. Кареев получил проспект от Бидло – “Историю славян”; он говорил, что намерен об этом вести кое о чем со мной переговоры.

Вам известно о “Zeitschrift für osteuropaischen Geschichte” г. Шимана (Schimann) и др. Кареев не хотел подписываться в качестве одного из редакторов. На проспекте имеется подпись Лаппо-Данилевского, *но против его воли*. Лаппо-Данилевский просил меня написать об этом Вам, чехам. *Было бы хорошо, если бы Вы написали об этом в газеты (дали в печать)*. Мы это сделать “не можем”, поскольку в этом *osteuropaischen Geschichte* нет ни чехов, ни югославян, ибо там господствует из известной “Познанской Академии”, там *Übersberger*, но нет *Йиречека* и др. Я получил также приглашение к сотрудничеству, но я также отклонил его. Это фатально, что на том проспекте рядом с Познанской Академией также Варшавский университет (Любович).

О нашей обстановке Вам хорошо известно из прессы; мы пятимся «раком» к 1904–1905 гг. (выделено мной. – Е.Ф.). Пусть об этом станет известно также приятелю Пекаржу (он все еще «черносотенец»?). Здесь находится Ваш Клецанда. Министерство переделало его в югославянина, чтобы таким образом он смог попасть в университет без дополнительных экзаменов (дело в том, что об этом существуют какие-то старые инструкции). Ну, знаете, наше чиновничество располагает такой силой, что легко сделает то, что не по силам английскому парламенту (надеюсь, что Клецанда скоро не станет из мужчины женщиной...). Недавно я получил приглашение от Харьковского университета на новую кафедру – Истории славян (в память Дринова); но я ответил отказом.

Всего Вам доброго. Как Ваше житье-бытье без доченьки? Вы еще не в Брно? С Новым годом и с прежним счастьем.

Преданный Вам, Н. Ястребов.

Извините “безграмотность”»⁵⁴.

⁵³ Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979. С. 386–387.

⁵⁴ Ústřední archiv ČS AV, fond J. Goll. Obsah N. V. Jastrebov. Письмо Н. Ястребова Я. Голлу. 20.XII.1909 г.

Как видим, чешско-русские научные связи развивались полным ходом. Можно говорить об активном взаимодействии чешской и российской исторической школы того времени. Особенно интересным, на наш взгляд, является материал о всесии бюрократического аппарата России, едко высмеянного Н.В. Ястребовым; и прежде всего характеристика внутреннего положения России после революции – «мы пятимся назад к революции 1904–1905 гг.». Стоит также отметить, что чешская историческая наука высоко ценила вклад русских историков-славистов, выдвигая их в члены чешского ученого общества.

Отмечу, что признанием Масарика как ученого в России стало приглашение его на Гоголевские празднества (столетие со дня рождения) 1909 г. в Москву, которые устраивало Общество любителей российской словесности при Московском императорском университете. В списке учредителей и лиц, приглашенных Обществом для участия в Гоголевских торжествах значился «доктор Масарик, профессор, член австрийского парламента»⁵⁵. Однако Масарик по какой-то причине не прибыл на торжества, которые стали событием большой культурной значимости европейского уровня. Особенно широко на праздновании были представлены деятели славянских народов. В Прагу был направлен целый ряд приглашений: в Академию наук, Чешской Матице, Ученому обществу наук, Музею чешского королевства, Библиотеке Матицы, Русскому кружку Умелецке беседы, Русскому кружку в районе Праги Смихов, Русскому кружку района Краловске Винограды, Этнографическому музею, Обществу чешских писателей «Май», издательству Яна Отто, редакции газеты «Národní listy», профессору Яромиру Челаковскому, поэту Ярославу Врхлицкому, доктору Ю.И. Поливке из Чешского университета, Национальному театру, Президиуму славянского комитета Национального чешского Совета (председатель К. Крамарж), Кругу чешских писателей, Клубу чешских драматургов (А. Зазварка).

Среди иностранных ученых, прибывших тогда официально на открытие памятника Гоголю, из чехов значились профессор Е.А. Козак и Юрий Иванович Поливка⁵⁶, который от имени Пражского университета произнес речь на чешском языке.

Поливка также участвовал в торжественном заседании Общества славянской культуры.

На торжествах прозвучали также многочисленные адреса и приветственные письма на чешском языке от чешских учреждений, в частности от ректора Карло-Фердинандова университета в Праге доктора Леопольда Гейровского. В заключении приветственного адреса ректора Гейровского содержался призыв: «пусть и в будущем еще более крепнут взаимные литературные и научные чешско-русские связи»⁵⁷.

В своем приветствии ректор чешского университета Л. Гейровский подчеркнул: «Творения Гоголя оказали благодатное и направляющее влияние на чешскую изящную словесность, начиная с Гавличека и кончая Нерудой. Русский народный дух оказывает своими художниками слова, своими мыслителями и учеными мощное воздействие на чешскую словесность и на чешскую науку. Пусть так будет и в будущем. Леопольд Гейровский 30 апреля 1909 г. Ректор чешского университета»⁵⁸.

Важно отметить, что многие материалы (адреса, приветственные речи и др.) в опубликованном сборнике Гоголевских торжеств были приведены на языке оригинала, т. е. на чешском и других европейских языках.

Бесспорно, Гоголевские торжества, состоявшиеся не только в Москве, но и в других крупных российских культурных центрах, стали важной и яркой вехой чешско-русских связей.

⁵⁵ Гоголевские дни в Москве. 1809–1909. М., 1910. С. 18.

⁵⁶ Polívka Jiří (Поливка Юрий) (1853–1933) – чешский славист, филолог, историк литературы, этнограф и фольклорист; с 1895 г. профессор Карлова университета, с 1901 г. член-корреспондент Академии наук.

⁵⁷ Гоголевские дни в Москве. 1809–1909. М., 1910. С. 20.

⁵⁸ Там же. С. 260–261.

Большой резонанс в чешских землях в то время вызвало основание в Москве 29 марта 1909 г. Общества славянской культуры⁵⁹, которое отстаивало равноправие славянских культур. Председателем Общества стал профессор Московского университета Ф.Е. Корш. Канцелярия Общества находилась по адресу: Москва, Сивцев Вражек, д. 20 кв. 2.

Параграф 1 Устава Общества гласил: «Общество славянской культуры ставит своей задачей изучение жизни славян и ознакомление с произведениями славянской и общечеловеческой культуры в целях взаимодействий (культурного и экономического) на этой почве, дорожа индивидуальными особенностями всякой национальности»⁶⁰.

Следующий приезд Т.Г. Масарика в 1910 г. особенно способствовал углублению чешско-русских связей, хотя проавстрийские круги в Чешских землях не приветствовали упрочнения межславянских связей и, как писал чешский славист Поливка, «не терпят славянское течение, и поэтому слабые сдаются...»⁶¹. Так что решение Масарика осуществить поездку в Россию при той внутренней обстановке было довольно смелым шагом.

Поскольку в историографии перипетии третьего по счету приезда Масарика в Россию, как ни странно, обойдены вниманием, перейдем к их рассмотрению.

⁵⁹ Документы к истории славяноведения в России. М.-Л., 1948. См., например, письмо И.В. Ягича – А.А. Шахматову. 7 (20) апреля 1908 г. С. 279–280. См. также: ОПИ ГИМ. Ф. 216. Ед. хр. 214. Устав Общества славянской культуры в Москве.

⁶⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 216. Ед. хр. 214. Устав Общества славянской культуры в Москве.

⁶¹ Документы к истории славяноведения в России. М.-Л., 1948. См. Письмо Ю. Поливка – А.И. Соболевскому (1910). С. 309.

Глава II

Пребывание Т.Г. Масарика в России в 1910 г. и оживление чешско-русских связей

II.1 Прибытие в Санкт-Петербург. Начало научных изысканий и общественных контактов

Благодаря материалам дружеской переписки Масарика с Э.Л. Радловым можно точно датировать третий по счету приезд Масарика в Россию. В письме из Праги от 1 марта 1910 г. он писал, что прибудет в Петербург в середине марта и собирается пробыть около четырех недель⁶². «Дорогой друг, книга о русской революции написана (курсив мой. – Е.Ф.), – обращался Масарик к Э.Л. Радлову, – но мне нужно кое-что сверить в российской библиотеке, поэтому я должен приехать в Россию»⁶³.

Но дела сдвинули сроки приезда с середины марта, и Масарик в следующем письме от 21 марта 1910 г. внес уточнение: «Приеду в понедельник 28/3 (по новому стилю)»⁶⁴.

Письма выдают энергичный характер ученого, его пунктуальность и творческий порыв. Подчеркнем, что, как следовало из переписки, заметные сдвиги в написании главного труда о русских реалиях свидетельствовали о том, что Масарик сдержал свое слово, данное в период первой революции петербургским коллегам. В предисловии к изданной в России в 1906 г. брошюре на основе труда Т.Г. Масарика «Социальный вопрос» историк Н.В. Ястребов отмечал, что чешский ученый теперь особенно занят «русским вопросом» и пишет книгу. К 1910 г. Масарик, выполняя обещание, данное петербуржцам, в обобщенном виде сформулировал свое видение проблемы революции. Именно этой проблеме и дихотомии демократия/теократия он уделил отдельные разделы готовящегося труда «Россия и Европа»⁶⁵. Чтобы продвинуться в подготовке окончательной версии труда, поездка в Петербург в 1910 г. стала необходима как воздух.

Существующий в историографии пробел в исследовании приезда Масарика в Россию в 1910 г. часто приводит к сомнительным взглядам о том, что эта поездка чешского профессора не стала вкладом в развитие чешско-российских связей того времени, поскольку мол он все время находился в библиотеке.

Информацию о приезде и пребывании Масарика в Санкт-Петербурге мы можем почерпнуть из его переписки. Ценные сведения о пребывании Масарика в России оставил также видный чешский поэт и переводчик русской литературы, активный проводник знаний о русской культуре в Чехии Франтишек Таборский (1858–1940). Он находился в это время в России на длительной стажировке (будучи гостем известного деятеля неославизма В.М. Володимирова). Таборский даже встретил Масарика на Варшавском вокзале ранним утром (в 7½) в понедельник 15 марта 1910 г. и часто виделся с ним в российской столице. Таборский сохранил ценные высказывания Масарика и беседы с ним в своих рукописных «Путевых заметках в России»⁶⁶. Все, что касается Масарика, выделено им особо на полях пометой «Masaryk»⁶⁷.

⁶² Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик и российская интеллектуальная среда. По архивам Чехии и России. Ч. 1. М., 2005. С. 76.

⁶³ Там же. С. 77.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Firsov E. T.G. Masaryk et La Russie et l'Europe // T.G. Masaryk – un intellectuel européen en politique (1850–1937). Paris, 2007. S. 188–189.

⁶⁶ LA PNP v Praze. F.Fr. Táborský. Poznámky z cesty do Ruska. S. 25.

Таборский помог Масарику устроиться с жильем, а затем они беседовали о проблеме революции. Масарик считал, что «такой силы, идеи чешской независимости у нас в настоящее время не существует. Мы уже слишком привыкли к австрийским условиям. Кровь за свободу мы не проливали. Свободы мы не добивались, свободу не делали. Действительно, такой мощной политической идеи у нас в настоящее время нет, – сетовал Масарик многозначительно. Но и кто же отгеснил эту идею чешского государственного права? Для революции мы одни слишком слабы»⁶⁸. Таборский в своем дневнике также сделал запись о том, что Масарик «не намерен здесь читать лекции; он не в курсе, что касается деятелей и обстановки»⁶⁹.

В историографии сложилось необоснованное мнение, что Ф. Таборский и стал главным источником информации чешского профессора по всем вопросам, включая внутреннюю обстановку в России и развитие неославянского движения⁷⁰.

Однако дело обстояло совсем не так. Отметим, что Публичная библиотека в северной столице стала своеобразной творческой мастерской

Масарика и оживленным научным и политическим центром чешско-российских контактов. Во-вторых, как показывают записи в путевом дневнике Ф. Таборского, Масарик вовсе не сидел взаперти в гостинице и часто ходил в гости к самым разным деятелям.

Таборский оставил следующую дневниковую запись от 17 марта 1910 г.: «У нас обедали Масарик и полковник М.Я. Балясный (его личность, как ни странно, совсем проглядели в чешской историографии. – Е.Ф.). На одном из приемов в салоне М.Я. Балясного Масарик сказал об украинстве: в России мне неизвестна украинская национальность. Мы говорили также о польском и финском вопросах. Масарик стоит на позиции газеты «Речь»⁷¹. Трудно сказать, какой смысл вкладывал Масарик и Таборский в изречение об украинской национальности. Здесь подчеркнем лишь, что Масарик на протяжении длительного времени сочувственно относился к украинскому национальному движению и был сторонником достижения украинцами национальной эмансипации.

В разговоре с Таборским он признался, что считал польскую культуру более высокой по сравнению с русской – чему активно воспротивился Ф. Таборский⁷².

Из заметок Ф. Таборского следует, что Т.Г. Масарик проявил бóльший интерес к общественно-политической жизни и особенно к неославянскому движению в России, чем это преподносилось до сих пор в исторической литературе. Он активно встречался в домашнем кругу с ведущими деятелями славянского движения и довольно часто общался с М. Балясным (одной из ведущих фигур собираемого им регулярно в своем доме славянского салона). Балясный доводился двоюродным племянником председателю Русского родословного общества маститому историку Л.М. Савелову. Он был близок Столыпину и другим видным деятелям неославянского движения.

Весной 1910 г. М. Балясный писал Л.М. Савелову:

«17 апреля 1910 г.

СПб

Дорогой Леонид Михайлович.

Примите сердечнейший привет – Вы и Ваши в день Светлого Праздника. К сожалению, не удалось вырваться в Москву на праздничные дни.

⁶⁷ Ibid.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ См. напр.: *Kšicová D. Účast Fr. Taborského v novoslovanském hnutí // Slavia, 1965. Seš. 3. S. 395.*

⁷¹ *Kšicová D. Účast Fr. Táborského v novoslovanském hnutí // Slavia, 1965. Seš. 3. S. 395.*

⁷² Ibid.

Как видите, *время проходит в славяно-русских кружках* (курсив мой. – Е.Ф.).
Продолжение в след[ующем] письме.
Преданный М. Балясный»⁷³.

М. Балясный просил Савелова, разрешить работать чешскому профессору Таборскому в знаменитой в Москве «савеловской» библиотеке⁷⁴. И сообщал: «Таборский выступал здесь о чешском искусстве, о чем газеты отозвались с признательностью. Что если бы и в Москве устроить так? Письмо вручаю Францу Францевичу Таборскому, который желает послать его по почте»⁷⁵.

Подчеркнем, что научные труды Ф. Таборского рубежа XIX–XX вв. о русской литературе и культуре сохраняют свое значение и в наше время и ему следовало бы посвятить отдельное исследование по истории чешско-русских связей.

После приезда в Санкт-Петербург Т.Г. Масарик поделился с Таборским: он вовсе не собирается заниматься какой-либо публичной жизнью, «не намерен читать никаких лекций и т. д., скорее из осторожности»⁷⁶. Но главная причина относительной отстраненности от публичной жизни в Санкт-Петербурге заключалась не в политической осмотрительности, а в чрезмерной занятости пражского философа. Ведь для Масарика главным оставалось спешно завершить работу над трудом «Россия и Европа», ставшим делом всей его жизни.

⁷³ Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 216. Л.М. Савелов. Ед. хр. 6. Письма М. Балясного к Л.М. Савелову.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ LA PNP. F.F. Táborský. Poznámky z cesty do Ruska.

II.2 Интерес к славянскому движению

Но все же Масарик не был настолько отстранен от «публичной» жизни, как этого ему хотелось. Выявленные мной источники в виде мемуарных заметок о пребывании в Петербурге свидетельствуют об этом. Эти заметки на чешском языке были написаны в Праге известным деятелем неославянского движения Д. Вергуном. Наблюдениям Д. Вергуна очевидно можно доверять, хотя спустя годы в тексте им и была допущена фактическая ошибка: он перепутал время приезда Масарика в Россию, поставив вместо 1910 г. – 1912. В остальном же при сравнении с другими источниками (с тем же Таборским) свидетельства Вергуна представляются достоверными. Он писал: «После прибытия в Петроград *профессор Масарик изъявил желание* (курсив мой. – *Е.Ф.*) познакомиться с представителями всех трех направлений славянского движения в российской столице, а именно с членами консервативного «Славянского благотворительного общества», прогрессивного «Общества славянской взаимности», и социалистического «Общества за славянское научное объединение». Первым из упомянутых обществ руководил генерал Н.Д. Паренсов, бывший министр обороны в Болгарии, и А.А. Башмаков, редактор «Правительственного вестника»; вторым – председатель III Государственной Думы Н.А. Хомяков и третьим – известный невролог, профессор Академии В.М. Бехтерев. Особый комитет в составе представителей всех трех направлений устраивал в то время в Петрограде известные «Славянские банкеты» в ресторане «Вена», а затем и в гостинице «Астория» и в «Европейской». На них непринужденно обсуждались вопросы повседневной славянской политики, устраивались приемы в честь приезжающих в столицу гостей, представителей других славянских народов...

Поскольку профессор Масарик отказался посетить какой-либо из этих «Славянских банкетов», председатель А.И. Гучков, бывший председатель Государственной Думы, придумал другой способ устроить встречу чешского гостя с русскими неославистами. Секретарю Галичско-Русского благотворительного общества М.Я. Балясному, доверенному другу профессора В.М. Володимирова (которого называли «миссионером неославизма») было поручено пригласить к себе на званый обед профессора Масарика и русских неославистов. Обед этот проходил в улице Демидова, № 13 и носил исключительно «заговорщицкий» характер. На эту беседу с чешским профессором пригласили также самого В.М. Володимирова и А.И. Гучкова, члена Госсовета, а также участников предстоящего неославистского съезда в Софии: академика В.М. Бехтерева, графа В.А. Бобринского, председателя Галичско-

Русского благотворительного общества, который играл исключительную роль в мармаш-сегедском процессе, затем А.А. Башмакова, зам. председателя славянского благотворительного общества и автора этих строк, как генерального секретаря исполнительного комитета предстоявшего Софийского съезда и зам. председателя Галичско-Русского благотворительного общества. Помощником гостеприимного М.Я. Балясного был талантливый инженер, работавший в Ревеле, а в настоящее время живущий в Праге.

Эта «заговорщицкая» встреча с профессором Масариком на обеде у Балясного проходила весьма оживленно. Т.Г. Масарик интересовался прежде всего численностью каждого из трех представленных славянских обществ, а также причинами их разногласий, их влиянием среди духовенства, интеллигенции и народных масс. С идеологией неославизма ознакомил в своей сердечной приветственной речи В.М. Володимиров, указав на различие девиза «Православие – самодержавие – народность» и «Свобода – равенство – братство». А.И. Гучков остановился на роли русской Государственной Думы в неославянском движении, В.М. Бехтерев – на принципах объединения славянских научных деятелей; В.А. Бобринский пояснил позицию России к холмскому вопросу, а я остановился на обстановке в Восточной Галиции и Подкарпатской Руси. Сам же профессор Масарик никаких речей не произносил, но следы взглядов,

высказанных на этой встрече, сказываются в его меморандумах, распространяемых затем в Западной Европе, а также в его книгах «Россия и Европа» и «Новая Европа», в которых, например, его точка зрения по украинскому вопросу близка идеям, высказанным на этой встрече»⁷⁷.

⁷⁷ Setkaní prof. T.G. Masaryka s ruskými neoslavisty. In: Zahraniční Rusové Československu. Pr., 1928. S. 138–140.

II.3 Последний визит к Л.Н. Толстому

Согласно датировке Масарика в апреле 1910 г. он сделал перерыв в научных занятиях, улучил время и еще раз, третий раз в жизни, отправился в поездку в Ясную Поляну к Л. Толстому. После кончины писателя в том же году Масарик опубликовал в журнале «Čas» (2 декабря 1910 г.) свои воспоминания о встрече⁷⁸. Он писал: «В этом году я отправился к Толстому из Москвы через Тулу. В Туле я взял извозчика. Недалеко от шоссе на полевую дорогу в Ясную Поляну меня вышел встречать Толстой. Он ждал меня за день до этого с повозкой на тульском вокзале, но я опоздал на день.

После нескольких слов приветствия, Толстой как бы продолжил наш давнишний разговор спустя 22 года. Он сказал, что все больше и больше увлекается Кантом, да этика Шопенгауэра ему по душе. В этом году он занимался вопросом самоубийства, особенно молодых людей после революции. Я ему обещал прислать новейшую литературу, и когда он ее получил, то ответил мне и вновь отметил, что эта проблема продолжает его интересовать (письмо от 16 мая). Ныне я вспоминаю, каким сильным выглядел он 20 лет назад, а теперь как бы просвечивал, и я почувствовал сразу, что мы видимся в последний раз... Я чувствовал к Толстому глубокую личную дружбу, я его любил, очень любил, хотя я и не мог с ним во всем согласиться...»⁷⁹

Масарик подчеркивал, что особая правдивость стремления Толстого к нецерковной религии, к нравственной религии и в этом исключительная значимость Толстого как для России, так и для всего света. Толстой учит не делать различий между нравственностью и религией. Толстой, по мнению Масарика, – последний представитель последовательного реализма; его стремление к правде со всей последовательностью проводилось в жизнь. Но в последнее время он стал терпимее и более умеренным в суждениях.

Масарик подчеркивал, что Толстой настолько глубоко укоренился в его натуре, что у него даже нет чувства утраты. Чем больше будет присутствие Л. Толстого в художественном и жизненном отношении в чешском обществе, тем больше это пойдет ему на пользу⁸⁰

⁷⁸ Эти воспоминания (на основе лекции, прочитанной в Праге 26 ноября 1910 г.) были опубликованы затем в сборнике: *Masaryk T.G. In memoriam. Čs. vzpomínky na Jasnou Poljanu. Pr., 1925.*

⁷⁹ *Masaryk T.G. In memoriam. Čs. vzpomínky na Jasnou Poljanu. Pr., 1925. S. 9.*

⁸⁰ *Ibid. S. 12.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.